

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Шурьенка и Атальенка. Словацкая народная сказка

Жили когда-то старый дед и бабка. Украла бабка девочку. Звали девочку Атальенка. Выучила бабка Атальенку всяческому колдовству. Девчонка была проворная, по душе бабке пришлось: она во всём ей помогала. И начала бабка над дедом насмешки строить: у неё, мол, у бабы, девчонка есть, а у него никого нет.

Рассердился старик и украл он мальчика по имени Шурьенка. Стал его школить, да на свой манер учить, но ведь недаром говорится, не будет из карася поросё – до того был Шурьенка тупой. И никак не может ничему выучиться! Сколько раз бедолага слезами умывался, как начнёт его старуха бранить, а дед то на неё, то на Шурьенку кричит.

День ото дня старуха всё злее! Однажды выгнала она Шурьенку на работу.

– Слышь ты, дурень, – кричит, – коли на той горе до вечера все деревья с корнем не выкорчуеть, не сносить тебе головы!

Взобрался Шурьенка на гору, пыхтит, кряхтит, ни одного дерева вытащить не может. Сел и заплакал. А тут Атальенка пришла, обед принесла. Увидала, что он плачет, спрашивает:

– Ты чего?

– Как же мне не плакать? – отвечает Шурьенка. – Старуха приказала все деревья на горе до вечера выкорчевать, а я не могу, ни одного пенька вырвать. Боюсь домой идти, ведь она меня убьёт!

– Не бойся, Шурьенка, – утешает его Атальенка. – Пообещай, что не бросишь меня ни в горести, ни в радости, а я тебе помогу.

– Ах, душенька моя, всё тебе пообещаю, только помоги!

– Ну, коли так, садись, да ешь!

Пока Шурьенка ел, Атальенка выкорчевала все деревья и ушла. Вернулся Шурьенка домой, а старуха на него набросилась:

– Ну, что, выкорчевал?

– Все, до последнего пенёчка! – хвалится Шурьенка.

Не понравилось это старухе, давай ворчать, криком кричать, весь дом на ноги подняла: ей, мол известно, что Шурьенка с Атальенкой замышляют, какие козни за её спиной строят! Бесновалась, бесновалась, пока спать не легла, с тем и уснула.

На другой день велела она Шурьенке с большим мешком в лес идти и полный мешок мух наловить. Не наловит – тут ему и конец!

Пошёл Шурьенка в лес, ни одной мухи поймать не может. Сел и заплакал. Тут Атальенка пришла, обед принесла, пожалела Шурьенку, опять спрашивает, будет ли он ей верен и в горе и в радости.

– Буду, душенька моя, буду, только не отдавай меня старухе на растерзание!

Атальенка велела ему обедать, и пока он ел, наловила полный мешок мух. Но только Шурьенка с мухами домой возвратился, поднялся в доме крик. Старуха уснуть от злости не может. До самой полуночи в голос орёт, что Шурьенка с Атальенкой против неё что-то замышляют.

На третий день послала старуха Шурьенку на мельницу, велела мух смолотить и вечером муки принести.

Пошёл Шурьенка на мельницу, а мельник не даёт ему жернова поганить.

Сел Шурьенка и заплакал.

Подроспела Атальенка с обедом:

– Ну, Шурьенка, клянёшься в третий раз, что не оставишь меня ни в горе, ни в радости? – спрашивает она.

– Клянусь, всё тебе обещаю, только спаси меня! – отвечает Шурьенка.

– Ну, смотри, не забудь, что мне сейчас обещал! – говорит Атальенка и подаёт ему обед.

Пока он ел, Атальенка всех мух превратила в муку и говорит Шурьенке:

– На этот раз тебе от старухи не спастись. Она всё знает и надумала тебя в печи изжарить и съесть. Но если ты останешься мне верен и возьмёшь меня с собой, я тебе помогу из беды выпутаться. Вечером бабка тебя спать пошлёт, как ни в чём не бывало, а я начну посуду мыть. Как звякну тарелками в первый раз, ты просыпайся, как звякну во второй – вставай, а в третий – прыгай в окно, а я за тобой, вместе убежим.

Сказала Атальенка и ушла, а Шурьенка вечером принёс муку и, дрожа от страха, как осиновый лист, отдал её старухе. Та опять давай браниться да кричать, что Атальенка с Шурьенкой спелись. Потом вдруг притихла, накормила его ужином и послала спать. А старику тем временем печь велела топить. Когда вытопит, чтоб старуху будил.

Но Атальенка напоила его хмельным вином, свалился дед у печи на лавку и уснул мёртвым сном, не заметил даже, как кочерга сгорела.

Атальенка тарелки моет. Раз звякнула, два звякнула, как в третий раз звякнула, Шурьенка-то из постели в окошко и выскочил. Атальенка во все углы плюнула, ведьмины сапоги схватила и вслед за Шурьенкой кинулась.

Утром старая проснулась, как заорёт:

– Атальенка, погляди, протопилась ли печька?

Тут из одного угла отзывается: – Сейчас, только оденусь!

Через минуту старуха снова закричала, из другого угла кто-то откликнулся: – Сейчас! – Обозлилась ведьма, из постели выскочила, видит: изба пуста, старик на лавке храпит, а в печи погасло.

Накинулась старуха на деда, честит его на чём свет стоит, дубинкой охаживает, вслед за беглецами посылает.

Старик надел сапоги, что в углу остались и зашагал. Шаг шагнёт – верста позади.

Заметила его Атальенка, обернулась розой, а Шурьенку сделала острым шипом. Ничего старик поделать не смог, обратно домой вернулся.

– Ступай ещё раз! – шумит старуха.

Хочешь не хочешь, пришлось идти. Напаялил дед другие сапоги – что ни шаг – две версты.

Заметили его беглецы, превратились она – в часовню, он – в попа.

Ничего с ними старик поделать не может, вернулся домой, и сказал жене, чтоб сама за ними бежала.

– Уж я-то их не упущу! – зашипела ведьма, – уселась на помело и полетела за ними в красном облаке. Вот-вот догонит! Но нет – превратились тут Шурьенка в полноводную реку, Атальенка – в уточку.

Хотела было старуха реку выпить, чтоб птицу схватить, стала пить да лопнула, тут ей и конец пришёл! А Шурьенка с Атальенкой стали снова сами собой. Шли-шли пока не пришли в ту страну, где Шурьенкины родители жили. А были они король с королевой. Велел Шурьенка Атальенке во дворе подождать, пока он родителям всё расскажет.

Да только позабыл Шурьенка Атальенку! А вскоре задумал свадьбу с другой играть. Гости из замка выходят – видят на дереве возле колодца девица-красавица сидит.

Позвали её в замок, посадили за стол. Она за стол села, достала из кармана золотой ларец, а в нём два голубка целуются. Девушка говорит:

– Сидят голубки милуются, ровно Шурьенка с Атальенкой!

Узнал тут Шурьенка свою Атальенку и взял в жёны, а ту, другую прочь послал.

И стали они жить вместе, как два голубка, и до тех пор жили, пока не померли.